

(Translated from Russian)

Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations Office and other International Organizations in Geneva

15, avenue de la Paix,
1202 Geneva

No. 1297

The Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations Office and other international organizations in Geneva presents its compliments to the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights and, with reference to letter OL/RUS 2/2018 from the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression and the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism, has the honour to transmit herewith information on the adoption of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation relating to the activities of the media.

The Permanent Mission of the Russian Federation takes this opportunity to convey to the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights the renewed assurances of its highest consideration.

Geneva, 6 April 2018

Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights
Geneva

HRC/NONE/2018/55
GE.18-05529 (E) 050718 050718

1805529

Please recycle

Information from the Russian Federation following the request of the Special Rapporteurs of the United Nations Human Rights Council on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression and on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism regarding the adoption of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation relating to the activities of the media

Reference: OL RUS 2/2018

The Russian Federation has considered the request of the Special Rapporteurs of the United Nations Human Rights Council on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression and on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism regarding the adoption of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation relating to the activities of the media, including the amended definition of “media performing the functions of a foreign agent”, and would like to communicate the following.

We note that the information contained in the above-mentioned request from the Special Rapporteurs includes distorted messages concerning legislative and law enforcement practices in the Russian Federation as regards restrictions on access to information on Internet sites, and measures taken in relation to certain foreign media.

Federal Act No. 327-FZ on amendments to articles 10 (4) and 15 (3) of the Federal Act on information, information technologies and information protection and to article 6 of the Mass Media Act of the Russian Federation was adopted on 25 November 2017 (the amendments entered into force on 1 January 2018). These amendments define the procedure for restricting access to information that contains calls for mass unrest, extremist activity or participation in public events held in violation of the established order and to information materials from foreign non-governmental organizations whose activity is recognized as undesirable in the Russian Federation in accordance with Federal Act No. 272-FZ of 28 December 2012 on sanctions against individuals involved in violations of fundamental human rights and freedoms and of the rights and freedoms of citizens of the Russian Federation. It should be emphasized that recognizing an organization as “undesirable” does not define it as extremist. Prohibition of the dissemination of information materials from “undesirable organizations” is also not linked to extremist activity.

The amendments adopted in fact specify the conditions for restricting access within the Russian Federation to information disseminated in violation of Russian legislation. Article 15 (3) of Federal Act No. 149-FZ of 27 June 2006 on information, information technologies and protection of information (hereafter Federal Act No. 149-FZ) states that access within the Russian Federation to illegal information containing, in particular, calls for mass unrest, extremist activity and participation in public events held in violation of the established order may be restricted. The basis for such a restriction is a demand by the Procurator-General of the Russian Federation or his deputies. This Act also provides for the owner of the information resource to receive a mandatory notification from the authorized executive body regarding the need for immediate removal of the materials containing information that has been disseminated in violation of the law. In addition, Federal Act No. 149-FZ implies that access to the resource may be re-established once the owner of the resource has removed the unlawful material. The owner must notify the authorized executive body responsible for monitoring and oversight in the field of media and communications, the Federal Service for Oversight in the Field of Communications, Information Technologies and Mass Communications (hereafter Roskomnadzor), of the removal. This notification may be sent by email, which increases the efficiency of joint action by the interested parties. Access is resumed following verification.

The amendments to information-related legislation made in November 2017 introduced a definition of “foreign media performing the functions of a foreign agent” into Act No. 2124-1 of 27 December 1991 on the mass media (the Mass Media Act). Consequently, articles 6 (3) and 6 (4) of the above-mentioned Act state that a legal entity registered in a foreign State or a foreign structure with no separate legal identity that is distributing printed, audio, audiovisual or other information and materials to the general

public (foreign media) may be designated as foreign media performing the functions of a foreign agent, irrespective of its organizational and legal form, if it receives funding and (or) any physical assets from foreign States, their government bodies, international or foreign organizations, foreign citizens, stateless persons or their authorized representatives, and (or) from Russian legal entities receiving funding and (or) any physical assets from such sources. Accordingly, under the procedure established by the authorized federal executive body, foreign media may be subject to the provisions of Federal Act No. 7-FZ of 12 January 1996 on non-profit organizations, which regulates the legal status of non-profit organizations performing the functions of a foreign agent, with the exception of specific provisions that apply only to organizations created as non-profit organizations. In accordance with Decree of the President of the Russian Federation No. 579 of 2 December 2017, the authorized federal executive body is the Ministry of Justice of the Russian Federation.

Foreign media outlets designated as performing the functions of a foreign agent have the rights and responsibilities specified in the Federal Act on non-profit organizations for non-profit organizations performing the functions of a foreign agent. For instance, the procedure and frequency with which such media outlets shall report on their activities, as well as the procedure for verifying those activities, are regulated in accordance with article 32 of the Federal Act on non-profit organizations, regarding the reporting requirements for non-profit organizations performing the functions of a foreign agent.

The Ministry of Justice has developed a draft order to approve the procedure for applying, to foreign media performing the functions of a foreign agent, the provisions of the Federal Act on non-profit organizations, as they pertain to regulating the legal status of non-profit organizations performing the functions of a foreign agent. To date, the document has undergone public consultation and anti-corruption assessment procedures.

It should be noted that these amendments arose from the need to introduce into law an entity that was participating in legal relations in practice but which did not have a separate legal status (previously there was no regulation of foreign media in legislation).

Consequently, the amendments to Russian legislation adopted in late 2017 are intended only to establish the procedure for designating an entity as foreign media performing the functions of a foreign agent, and not to restrict its activities. Moreover, the amendments do not provide for the introduction of censorship, and they in no way limit the dissemination by or financing of the media concerned or lay down the way in which they publish information on the Internet.

The introduction of a procedure for designating a foreign media outlet as performing the functions of a foreign agent is intended to ensure the transparency and openness of the activities of legal entities registered in a foreign State or of foreign structures with no separate legal identity that are distributing printed, audio, audiovisual and other information and materials (foreign media) to the general public and receiving funding and any physical assets from foreign sources.

The proportionality of the restrictions is ensured by the fact that they do not imply an unlimited ban on the dissemination of information in the Russian Federation by foreign and international non-governmental organizations whose activity is considered undesirable.

It should be noted that the inclusion of media outlets in the appropriate register does not deprive them of their right to judicial protection.

Any analysis of the amendments to legislation regulating media activity should be carried out with due regard for the fact that, in the Russian Federation, the principle of freedom to disseminate information, as enshrined in international and constitutional law and national legislation, is strictly observed. For instance, under article 29 of the Constitution of the Russian Federation, the freedom of the media is guaranteed and censorship is prohibited. This position is also entrenched in article 3 of the Mass Media Act, which establishes the inadmissibility of censorship.

Protection of the principles of the constitutional order is one such constitutional value, alongside the freedom of the media and freedom of opinion and expression.

The Constitution of the Russian Federation therefore includes a ban on the activities of voluntary associations whose goals or actions are aimed at changing by force the foundations of the constitutional order and violating the integrity of the Russian Federation, undermining State security, forming armed units, and inciting discord based on social grounds, race, nationality or religion (art. 13).

The restriction of access to information containing calls for mass unrest, extremist activity or participation in public events held in violation of the established order is a measure intended to detect and prevent activity of an extremist, terrorist or separatist nature.

It should be noted that, as provided for in the legislation of the Russian Federation on information, information technologies and the media, the above-mentioned restrictions on the dissemination of information intended to incite hatred and discord or discrimination the basis of gender, race, religion, ethnicity or social background, or terrorist and extremist propaganda are in full compliance with the universally recognized principles and norms of international law.

Indeed, the Universal Declaration of Human Rights enshrines the right of every person to freedom of opinion and expression. This right includes freedom to hold opinions without interference and to seek, receive and impart information and ideas through any media and regardless of frontiers (art. 19). In the exercise of his or her rights and freedoms, everyone shall be subject only to such limitations as are determined by law solely for the purpose of securing due recognition and respect for the rights and freedoms of others and of meeting the just requirements of morality, public order and the general welfare in a democratic society (art. 29).

The International Covenant on Civil and Political Rights establishes that everyone has the right to freedom of expression. This right includes freedom to seek, receive and impart information and ideas of all kinds, regardless of frontiers, either orally, in writing or in print, in the form of art, or through any other media of his or her choice (article 19 of the Covenant). The exercise of the above-mentioned rights carries with it special duties and responsibilities. This right may therefore be subject to certain restrictions, but these shall only be such as are provided by law and are necessary for respect of the rights or reputations of others, or for the protection of national security or of public order, or of public health or morals.

Article 10 of the European Convention on Human Rights establishes that the exercise of the freedom to receive and impart information and ideas without interference by public authority and regardless of frontiers may be subject to such formalities, conditions, restrictions or penalties as are prescribed by law and are necessary in a democratic society, in the interests of national security, territorial integrity or public safety, for the prevention of disorder or crime, for the protection of health or morals, for the protection of the reputation or rights of others, for preventing the disclosure of information received in confidence, or for maintaining the authority and impartiality of the judiciary.

Under the Joint declaration on freedom of expression and “fake news”, disinformation and propaganda, adopted in Vienna on 3 March 2017, States may only impose restrictions on the right to freedom of expression in accordance with the test for such restrictions under international law, namely that they be provided for by law, serve one of the legitimate interests recognized under international law, and be necessary and proportionate to protect that interest.

According to this Joint Declaration, State measures to block websites, IP addresses, ports or network protocols are extreme measures which can be justified where it is provided by law and is necessary to protect human rights or other legitimate public interests, including in the sense of that it is proportionate, there are no less intrusive alternative measures which would protect the interest and it respects minimum due process guarantees.

The restriction of access to information containing calls for mass unrest, extremist activity or participation in public events held in violation of the established order is a measure intended to detect and prevent activity of an extremist, terrorist or separatist nature.

Due account should be taken of the fact that international legal instruments permit the restriction of rights and freedoms for the purposes of combating crime, and particularly terrorism, which is the most dangerous form of crime.

Under article 5 of the International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings, acts, in particular where they are intended or calculated to provoke a state of terror in the general public or in a group of persons or particular persons, are under no circumstances justifiable by considerations of a political, philosophical, ideological, racial, ethnic, religious or other similar nature and are punished by penalties consistent with their grave nature.

The International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism provides that each State party, in accordance with its domestic legal principles, shall take the necessary measures to enable a legal entity located in its territory or organized under its laws to be held liable when a person officially responsible for the management or control of that legal entity has committed an offence. Such liability may be criminal, civil or administrative.

The Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism of 2001 provides for cooperation between parties to this Convention on the development and adoption of agreed measures to prevent, detect and suppress extremism, separatism and terrorism.

The Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on human rights and the fight against terrorism, adopted by the Committee of Ministers on 11 July 2002, establish that States parties may, for specific reasons, restrict most non-absolute rights under the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950. These reasons include exceptional circumstances, such as the threat of a terrorist act. States have a margin of appreciation, that is, broad discretionary powers, in striking a balance between the rights of individuals and the interests of national security.

With regard to the concept of “countering violent extremism” (CVE), as mentioned by the Special Rapporteurs, it should be noted that there is no definitive understanding or acknowledgement of this concept in the international community. At present, the only general and highly restrained assessment by the United Nations of the content and long-term potential of international cooperation to counter violent extremism is contained in General Assembly resolution 70/291 of 1 July 2016 on the United Nations Global Counter-Terrorism Strategy Review. This resolution “takes note of”, rather than “welcomes” the Plan of Action to Prevent Violent Extremism of the former Secretary-General of the United Nations, the core document on the concept of CVE, while the implementation of its recommendations is to be considered by member States “as applicable to the national context”.

Furthermore, the relevant international documents related to counter-terrorism do not define “violent extremism”. The United Nations documents on counter-terrorism and related issues referred to by the Special Rapporteurs either do not contain a definition, or any definition is purely descriptive.

The Russian Federation, together with many other States, considers CVE to be an ambiguous concept, substituting for and emasculating the task of counter-terrorism and capable of serving the purpose of excusing terrorists by categorizing them as “bad” or “not entirely bad”. Moreover, the concept of CVE may be used as justification for interference in the internal affairs of sovereign States with the aim of removing undesirable “authoritarian” regimes, including through the direct or indirect use of groups of “not entirely bad extremists” (“terrorists”).

The Russian Federation, together with a sizeable group of countries, upholds other principles of organizing international cooperation to counter extremism and considers these aims primarily to be part of the prevention of terrorism. At national level and that of international cooperation, only States and their authorized bodies should play a leading role, while civil society organizations may be involved only as additional supporting players.

Sovereign States, who bear the primary responsibility for ensuring that society remains safe from terrorism and extremism, must protect their citizens from the spread of

dangerous extremist ideologies and practices within their territories. Ensuring that the competent authorities are able to legally restrict access to information resources that contain calls for extremist activity and mass unrest, including in the media and on the Internet, must be fully assimilated to such justified measures.

The tasks of countering extremism and extremist activity (without reference to its qualification as violent) are fully reflected in Russian legislation, including in such basic legal and regulatory instruments as Federal Act No. 114-FZ of 25 July 2002 on combating extremist activity, the Criminal Code of the Russian Federation and the Strategy to Combat Extremism in the Russian Federation by 2025 (approved by the President of the Russian Federation on 28 November 2014, No. Pr-2753). In addition, Russian national legislation is continually being improved to take account of current trends and realities.

Statistical data confirm the effectiveness of the work carried out by Russian law enforcement agencies. For example, in 2017, Roskomnadzor received 192 demands from the Procurator-General of the Russian Federation or his deputies for restriction of access to illegal information in 994 information resources (pages on Internet sites). Moreover, only 2 complaints against the 192 decisions to restrict access to information resources were filed and subsequently upheld in court.

In the same year, over 87,900 information resources on “web mirrors” (indexes of Internet sites) were uncovered, which hosted the illegal information indicated in the Procurator-General’s demands. Access to 13,500 indexes within Russian territory was restricted. Illegal information was deleted from the remaining information resources.

It should also be noted that, in 2017, over 86,000 “web mirrors” with extremist materials were found, including:

- Over 44,600 sites and (or) site indexes containing propaganda for the activities of the international terrorist organization “Islamic State”;
- Over 5,400 sites and (or) site indexes disseminating materials from Ukrainian radical right-wing neo-Nazi organizations (“Pravyi Sektor”, UNA-UNSO, UPA, S. Bandera’s “Tryzub”, “Bratstvo” and other organizations whose ideologies justify the crimes of Nazis and their allies).

№ 1297

Постоянное представительство Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве свидетельствует свое уважение Управлению Верховного комиссара ООН по правам человека и имеет честь препроводить информацию Российской Федерации в связи с запросом специальных докладчиков Совета ООН по правам человека по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнения и его свободное выражение и по вопросу о поощрении и защите прав человека в условиях борьбы с терроризмом относительно принятия поправок, касающихся деятельности СМИ, в отдельные законодательные акты Российской Федерации (*Ref.: OL RUS 2/2018*).

Постоянное представительство пользуется настоящей возможностью, чтобы возобновить Управлению уверения в своем высоком уважении.

6 апреля 2018 года

Управлению Верховного комиссара ООН
по правам человека

г. Женева

OHCHR REGISTRY

- 9 APR 2018

Recipients : SPB

.....
.....
.....

**Информация Российской Федерации в связи с запросом
специальных докладчиков Совета ООН по правам человека по вопросу
о поощрении и защите права на свободу мнения и его свободное
выражение и по вопросу о поощрении и защите прав человека в
условиях борьбы с терроризмом относительно принятия поправок,
касающихся деятельности СМИ, в отдельные законодательные акты
Российской Федерации**

Reference: OL RUS 2/2018

Российская Федерация рассмотрела запрос специальных докладчиков Совета ООН по правам человека по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнения и его свободное выражение и по вопросу о поощрении и защите прав человека в условиях борьбы с терроризмом относительно принятия в отдельные законодательные акты Российской Федерации поправок, касающихся деятельности СМИ, в том числе вводящих понятие «СМИ, выполняющее функции иностранного агента», и хотела бы сообщить следующее.

Отмечаем, что содержащаяся в вышеупомянутом запросе спецдокладчиков информация содержит искаженные сведения о законодательной и правоприменительной практике в России, связанной с ограничением доступа к информации в сети Интернет, а также о мерах, принимаемых в отношении отдельных иностранных СМИ.

25 ноября 2017 г. был принят Федеральный закон № 327-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (изменения вступили в силу с 1 января 2018 г.). Эти поправки определяют порядок ограничения доступа к информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, и информационным материалам иностранных

неправительственных организаций, чья деятельность признана нежелательной на территории Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». Следует подчеркнуть, что признание организации «нежелательной» не определяет её в качестве экстремистской. Запрет на распространение информационных материалов «нежелательных организаций» также не связан с экстремистской деятельностью.

Фактически принятые поправки уточняют основания ограничения доступа на территории России к информации, распространяемой с нарушением российского законодательства. Статья 15.3 Федерального закона от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон № 149-ФЗ) предусматривает, что доступ на территории России к противоправной информации, содержащей, в частности, призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, может быть ограничен. Основанием для этого является требование Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителей. Данный закон также предусматривает обязательное уведомление уполномоченным органом исполнительной власти владельца информационного ресурса о необходимости незамедлительно удалить данные материалы, содержащие распространяемую с нарушением закона информацию. Вместе с тем упомянутый Федеральный закон № 149-ФЗ предполагает и то, что доступ к ресурсу может быть возобновлен, если владелец ресурса удалил противоправные материалы. Об этом владелец должен известить уполномоченный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере СМИ и связи, – Федеральную службу по

надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор). Такое извещение может быть направлено в электронном виде, что повышает оперативность взаимодействия заинтересованных сторон. После проведения проверки доступ возобновляется.

Принятые в ноябре 2017 г. поправки в законодательство об информации ввели в Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» понятие «иностранное средство массовой информации, выполняющее функции иностранного агента». Так, в части 3 и 4 статьи 6 вышеупомянутого закона указано, что юридическое лицо, зарегистрированное в иностранном государстве, или иностранная структура без образования юридического лица, распространяющие предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы (иностранное средство массовой информации), могут быть признаны иностранными средствами массовой информации, выполняющими функции иностранного агента, независимо от их организационно-правовой формы, если они получают денежные средства и (или) иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и (или) иное имущество от указанных источников. Соответственно, в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, к иностранному средству массовой информации могут быть применены положения Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», регулирующие правовой статус некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, за исключением специальных положений, которые применяются исключительно к организациям, созданным в форме

некоммерческой организации. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 2 декабря 2017 г. № 579 таким уполномоченным федеральным органом исполнительной власти является Министерство юстиции Российской Федерации (далее – Минюст России).

Иностранное средство массовой информации, признанное выполняющим функции иностранного агента, несёт права и обязанности, предусмотренные Федеральным законом «О некоммерческих организациях» для некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. В частности, порядок и периодичность предоставления отчета о своей деятельности, а также порядок проверки деятельности таких СМИ регулируются согласно поправкам статьёй 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», касающейся отчётности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Минюстом России разработан проект приказа об утверждении порядка применения в отношении иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента, положений Федерального закона «О некоммерческих организациях» в части регулирования правового статуса некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. В настоящее время документ прошёл процедуры публичного обсуждения и антикоррупционной экспертизы.

Следует учитывать, что указанные изменения обусловлены необходимостью введения в правовое поле субъекта, который фактически участвовал в правоотношениях, но не имел обособленного правового статуса (ранее в законодательстве отсутствовало регулирование иностранных средств массовой информации).

Таким образом, принятые в конце 2017 г. изменения в российское законодательство направлены лишь на определение порядка признания лица иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, а не на ограничение их деятельности. Более того,

внесённые поправки не содержат положений, предусматривающих введение цензуры, и никак не ограничивают распространение СМИ или его финансирование, а также не определяют порядок размещения им информации в сети Интернет.

Введение процедуры признания иностранного средства массовой информации выполняющим функции иностранного агента направлено на обеспечение прозрачности и открытости деятельности юридических лиц, зарегистрированных в иностранном государстве, или иностранных структур без образования юридического лица, распространяющих предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы и получающие денежные средства и иное имущество от иностранных источников.

Соразмерность ограничений обеспечивается тем, что они не предполагают бессрочного запрета на распространение информации на территории России иностранных и международных НПО, деятельность которых признана нежелательной на территории России.

Необходимо отметить, что включение средств массовой информации в соответствующий реестр не лишает их права на судебную защиту.

Анализ изменений в законодательство, регулирующее деятельность СМИ, следует проводить с учетом того, что в Российской Федерации неукоснительно соблюдается международно-правовой, конституционный и законодательный принцип свободы распространения информации. Так, в соответствии со статьей 29 Конституции Российской Федерации гарантируется свобода массовой информации, а цензура запрещается. Данное положение закреплено и в статье 3 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», устанавливающей недопустимость цензуры.

Защита основ конституционного строя является такой же конституционной ценностью, как и свобода массовой информации и свобода

мнения и его свободного выражения.

Так, Конституцией Российской Федерации установлен запрет на деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (статья 13).

Ограничение доступа к информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, является мерой, направленной на предупреждение и пресечение деяний экстремистского, террористического и сепаратистского характера.

Следует отметить, что предусмотренные законодательством Российской Федерации в сфере информации, информационных технологий и СМИ упомянутые ограничения на распространение информации, направленной на возбуждение ненависти и вражды, дискриминацию по признакам пола, расы, вероисповедания, национальности, социального происхождения, пропаганду терроризма и экстремизма, полностью соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права.

Так, Всеобщая декларация прав человека закрепляет право каждого человека на свободу убеждений и на их свободное выражение. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ (статья 19). При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и

общего благосостояния в демократическом обществе (статья 29).

Международный пакт о гражданских и политических правах устанавливает, что каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения. Это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору (статья 19 Пакта). Пользование вышеупомянутыми правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Это право может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц и для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Статья 10 Европейской конвенции по правам человека предусматривает, что осуществление свободы получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

В соответствии с положениями Совместной декларации о свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде, принятой в Вене 3 марта 2017 г., государства могут ограничивать право на свободу выражения мнения только с соблюдением

оговоренных в международном праве критериев для введения таких ограничений, то есть при том условии, что они предусмотрены законом, предназначены для решения тех или иных законных задач, признаваемых международным правом, необходимы для их решения и соразмерны им.

Меры государства по блокированию вебсайтов, IP-адресов, портов или сетевых протоколов согласно указанной Совместной декларации являются чрезвычайной мерой, которая может считаться оправданной в тех случаях, когда она предусмотрена законом и необходима для защиты прав человека или других законных общественных интересов, в том числе в зависимости от её соразмерности, отсутствия менее ограничительных альтернативных мер, способных обеспечить защиту этих интересов, и соблюдения минимально необходимых процессуальных норм.

Ограничение доступа к информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участием в массовых мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, является мерой, направленной на предупреждение и пресечение деяний экстремистского, террористического и сепаратистского характера.

Следует учитывать, что международными правовыми актами допускается ограничение прав и свобод в целях борьбы с преступностью, в первую очередь с наиболее опасным преступным явлением – терроризмом.

Согласно статье 5 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом деяния, направленные или рассчитанные, в частности, на создание обстановки террора среди населения, группы лиц или конкретных лиц, ни при каких обстоятельствах не подлежат оправданию по каким-либо соображениям политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера и влекут наказание сообразно степени их тяжести.

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма предусматривает, что каждое государство-участник в соответствии с

принципами своего внутреннего права принимает необходимые меры для того, чтобы можно было привлечь юридическое лицо, находящееся на его территории или учреждённое по его законам, к ответственности в случае совершения преступления физическим лицом, официально ответственным за управление этим юридическим лицом или контроль за ним. Такая ответственность может носить уголовный, гражданский или административный характер.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. предусматривает сотрудничество участников данной Конвенции по вопросам разработки и принятия согласованных мер для предупреждения, выявления и пресечения экстремизма, сепаратизма и терроризма.

Руководящие принципы Комитета министров Совета Европы по правам человека и борьбе с терроризмом, утвержденные Комитетом министров 11 июля 2002 г., устанавливают, что государства-участники могут по определенным причинам ограничивать большинство неабсолютных прав по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. К таким причинам относятся, помимо прочего, чрезвычайные ситуации, такие, например, как угроза террористического акта. Государства обладают свободой усмотрения, то есть широкими дискреционными полномочиями, при обеспечении баланса прав отдельных лиц и интересов национальной безопасности.

Что же касается упомянутой спецдокладчиками концепции «противодействия насильственному экстремизму» (далее – ПНЭ), то следует отметить, что в международном сообществе нет однозначного понимания и признания концепции ПНЭ. Единственная на сегодня общая и весьма сдержанная оценка ООН содержания и перспективного потенциала международного сотрудничества в формате концепции ПНЭ содержится в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 70/291 от 1 июля 2016 г. по обзору

имплементации Глобальной контртеррористической стратегии ООН. В упомянутой резолюции основной документ концепции ПНЭ – «План действий по предупреждению насильственного экстремизма» бывшего Генерального секретаря ООН – не «одобряется», а лишь «принимается к сведению», при этом выполнение его рекомендаций остаётся на усмотрение государств-членов «с учётом национальных приоритетов».

Более того, в профильных международных документах, касающихся задач противодействия терроризму, не определено понятие «насильственный экстремизм». В приведенных спецдокладчиками ссылках на контртеррористические и связанные с этим документы ООН этого понятия либо не содержится, либо оно имеет сугубо описательный характер

Россия наряду со многими другими государствами мира рассматривает концепцию ПНЭ в качестве неоднозначной, подменяющей и выхолащивающей задачи контртерроризма и способной служить целям оправдания террористов, разделения их на «плохих» и «не совсем плохих». Более того, концепция ПНЭ может использоваться для оправдания вмешательства во внутренние дела суверенных государств с целью смещения неудобных «авторитарных» режимов, в том числе с прямым или опосредованным использованием группировок «не совсем плохих экстремистов» («террористов»).

Россия совместно со значительной группой стран отстаивает иные принципы организации международного сотрудничества в противодействии экстремизму, рассматривая эти задачи, прежде всего, как составную часть предупреждения терроризма. На национальном уровне и на уровне международного сотрудничества только государства и их компетентные органы должны играть определяющую роль, а институты гражданского общества могут привлекаться исключительно в качестве вспомогательных и дополнительных участников.

Суверенные государства, несущие главную ответственность за

обеспечение антитеррористической и антиэкстремистской безопасности общества, должны защищать своих граждан от распространения опасной экстремистской идеологии и практики на своей территории. К таким обоснованным мерам в полном объеме следует отнести обеспечение в соответствии с законом возможности компетентных органов власти ограничивать доступ к информационным ресурсам, содержащим призывы к экстремистской деятельности и массовым беспорядкам, в том числе в СМИ и Интернете.

Задачи противодействия экстремизму и экстремистской деятельности (без привязки к его квалификации в качестве насильственного) весьма полно отражены в российском законодательстве, в том числе в таких основных нормативных правовых актах, как Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Уголовный кодекс Российской Федерации, «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (утверждена Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г., № Пр-2753). При этом российское национальное законодательство постоянно совершенствуется, учитывая современные тенденции и реалии.

Статистические данные подтверждают эффективность работы российских правоохранительных органов. Так, в 2017 году в Роскомнадзор поступило 192 требования Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителей об ограничении доступа к противоправной информации на 994 информационных ресурсах (страницах Интернет-сайтов). При этом из 192 решений об ограничении доступа к информационным ресурсам в суд были поданы лишь 2 жалобы на указанные решения, которые впоследствии судом были оставлены в силе.

Кроме того, в том же году было выявлено более 87,9 тыс. информационных ресурсов – «вэб-зеркал» (указателей страниц Интернет-сайтов), на которых была размещена противоправная информация, указанная

в требованиях Генеральной прокуратуры. Доступ к 13,5 тыс. указателям страниц на территории России был ограничен. С остальных информационных ресурсов противоправная информация была удалена.

Отдельно следует отметить, что в 2017 г. было выявлено более 86 тыс. «вэб-зеркал» с экстремистскими материалами. Из них:

- более 44,6 тыс. сайтов и (или) указателей страниц сайтов, на которых содержится пропаганда деятельности международной террористической организации «Исламское государство»;

- более 5,4 тыс. сайтов и (или) указателей страниц сайтов, распространяющих материалы украинских праворадикальных неонацистских организаций («Правый сектор», УНА – УНСО, УПА, «Тризуб им.С.Бандеры», «Братство» и другие организации, в своей идеологии оправдывающие преступления нацистов и их пособников).